

Проскуряков Максим Русланович,
Доктор филологических наук, профессор,
Шаньдунский университет, Шаньдун, Китай
Proskuriakov Maksim, Professor,
Shandong University, Shandong, China

**ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЯРЛЫКОВ: ПЕРЕОЦЕНКА ГУМИЛЕВСКОГО
НЕОЕВРАЗИЙСТВА В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
BEYOND LABELS: REEXAMINING GUMILEV'S NEO-EURASIANISM
IN MODERN GEOPOLITICAL DISCOURSE**

Аннотация: Интеллектуальное наследие Льва Николаевича Гумилева, поражает воображение слиянием биологизма, исторической интерпретации и этнических исследований. В постсоветской России идеи Гумилева пустили корни, предлагая альтернативную линзу, через которую можно воспринимать идентичность, историю и цивилизацию. По мере того, как мир становится свидетелем возрождения России как важного игрока, изучение неоевразийства Гумилева приобретает актуальность.

Abstract: The intellectual legacy of Lev Nikolayevich Gumilev, is a striking fusion of biology, historical interpretation, and ethnic studies. In post-Soviet Russia, Gumilev's ideas have taken root, offering an alternative lens through which to perceive identity, history, and civilization. As the world witnesses Russia's reemergence as an important player, the study of Gumilev's Neo-Eurasianism becomes relevant not only for its historical context, but also for its impact on contemporary perspectives.

Ключевые слова: Евразийство, геополитика, Гумилев, этносфера, идеология, синтез Восток-Запад, смена парадигмы, влияние этносферы, междисциплинарность, деконструкция дихотомии, концепция суперэтнуса, российско-евразийская идентичность, историческая перспектива, современная дипломатия, интеллектуальное наследие.

Keywords: Eurasianism, geopolitics, Gumilev, ethnosphere, ideology, East-West synthesis, paradigm shift, ethnosphere impact, interdisciplinary, dichotomy deconstruction, super-ethnos concept, Russian-Eurasian identity, historical perspective, contemporary diplomacy, intellectual legacy.

Введение

Цель данного исследования заключается в глубоком переосмыслении геополитики через призму уникальных идей Льва Николаевича Гумилева, особое внимание уделяется его концепциям о биологизме и евразийстве. Эти теоретические построения рассматриваются как центральные для понимания геополитической идентичности России и её роли в сложной сети мировых отношений. Научная новизна этой работы выражается в особом подходе к соединению гуманитарных и естественных наук в рамках гумилевской традиции, что позволило предложить инновационное понимание этничности и культурной идентичности. В результате исследования был представлен альтернативный взгляд на историческую эволюцию России и её взаимодействие с другими геополитическими акторами, особое внимание уделяется связям с регионами Европы, Центральной Азии и Дальнего Востока.

Актуальность. В эпоху, когда границы между странами и культурами становятся все менее определенными, вопросы национальной идентичности и геополитической роли страны приобретают особое значение. Именно в этом контексте идеи Льва Гумилева о евразийстве и

биологизме представляют собой ценный ресурс для понимания сложных процессов формирования идентичности и геополитической роли России. Несмотря на то, что многие из этих идей были представлены десятилетия назад, их актуальность только усиливается в современных условиях, когда мир стоит перед новыми вызовами и противоречиями. Научная литература последних лет активно обсуждает роль России на мировой арене, ее культурные особенности и взаимодействие с соседями. При этом многие аспекты гумилевской теории до сих пор не получили должного освещения. Это исследование направлено на то, чтобы заполнить этот пробел, предоставив глубокий анализ идей Гумилева в контексте современных социокультурных и геополитических процессов. Оно также отвечает на актуальные потребности науки, общества и способствует развитию междисциплинарного диалога в области философии, истории, социологии и других наук.

Для достижения поставленной цели – глубокого переосмысления геополитики через призму уникальных идей Льва Николаевича Гумилева – необходимо последовательно решить следующие задачи:

Анализ геополитических концепций Гумилева. На первом этапе исследования следует детально рассмотреть ключевые теоретические построения Гумилева, особенно в контексте его взглядов на биологизм и евразийство. Это позволит установить основные принципы и особенности его научного наследия.

Сопоставление идей Гумилева с современными теориями. На втором этапе необходимо проанализировать, как идеи Гумилева коррелируют с современными научными концепциями в области геополитики и культурной идентичности. Это даст возможность выявить актуальность и применимость его теорий в современных условиях.

Исследование влияния гумилевских концепций на формирование геополитической идентичности России. На третьем этапе следует рассмотреть, как концепции Гумилева повлияли на формирование геополитической и культурной идентичности России, особенно в ее взаимодействии с другими геополитическими акторами.

Систематизация полученных результатов и формулировка выводов. На заключительном этапе исследования необходимо систематизировать полученные данные, сделать выводы относительно актуальности и значимости гумилевских идей для современной геополитической науки и предложить рекомендации для дальнейших исследований.

В рамках данного исследования стоит ряд задач, решение которых требует применения комплекса методологических подходов. При изучении ключевых концепций и теорий Льва Гумилева основной акцент делается на метод текстового анализа. Этот метод позволяет глубоко погрузиться в первоисточники, выявляя суть и основные аспекты гумилевской научной парадигмы.

Переходя к задаче сопоставления гумилевских идей с современными научными концепциями, активно используется компаративный метод. С его помощью можно установить точки соприкосновения между различными теориями, а также определить уникальность и актуальность подходов Гумилева в современном контексте.

Исследование влияния гумилевских концепций на геополитическую идентичность России основывается на историко-аналитическом методе. Этот метод позволяет проследить, как менялось восприятие и применение гумилевских идей на разных этапах развития России, учитывая социокультурный и политический контекст.

Завершая исследование, для систематизации полученных данных и выводов активно применяется метод системного анализа. Он обеспечивает структурирование результатов, выделение ключевых моментов и формулировку окончательных выводов по исследованию.

Переосмысление геополитики: парадигма евразийства

Распад Советского Союза, ознаменовавший значительную геополитическую трансформацию, потребовал пересмотра позиции и идентичности России на мировой арене. В этот переходный период на первый план вышли теории Льва Николаевича Гумилева, особенно его представления о биологизме и евразийстве. Эти идеи не только открывают окно в историческую эволюцию и потенциальное направление развития России, но и подчеркивают ее глобальное взаимодействие, особенно с Европой, Центральной Азией и Дальним Востоком.

Человек универсальных знаний, Гумилев соединил гуманитарные и естественные науки, тем самым открыв новую область научных исследований [1]. Его акцент на этнической дифференциации, особенно на разграничении языковых русофонов и этнических русских, сыграл ключевую роль в формировании современных представлений о российской идентичности. Более того, его отход от преобладающих западных академических концепций в пользу биологически обусловленного мировоззрения является ярким опровержением основных европейских идеологий [2].

Противопоставление, которое Гумилев проводит с западным интеллектом, не сводится только к теоретическим соображениям, а имеет глубокие геополитические последствия [3]. Его творчество подчеркивает внутреннюю враждебность, которую Запад питает к евразийским цивилизациям. Эта точка зрения, усиленная культурными различиями, по-прежнему играет важную роль в определении международной динамики России, особенно в ее взаимодействии с Европой, Центральной Азией и Дальним Востоком [4].

Возрождение теорий Гумилева в современной России подчеркивает их актуальность. Его междисциплинарный подход, объединяющий биологию, этническую идентичность и историю, служит проницательной линзой для анализа дипломатических инициатив России. По мере того, как Россия пытается заново определить свое положение в развивающемся мировом порядке, расшифровка наследия Гумилева становится критически важной для глубокого понимания этого евразийского нарратива.

Формирующееся влечение Гумилева к евразийству, дополненное его характерным слиянием этногенеза и исторического детерминизма, остается непревзойденным по своей глубине и сложности. Такие ученые, как Бассин, не только оценивают глубину вклада Гумилева, но и критически анализируют его последствия для современного геополитического контекста [4]. Определяющим элементом евразийства Гумилева является его опровержение европоцентристского дискурса. Современный анализ позволяет предположить, что эта точка зрения по-прежнему актуальна [5].

Научные труды Льва Николаевича Гумилева представляют собой всеобъемлющую основу для понимания российской истории, самобытности и целей международной политики. Его акцент на естественных науках, осуждение европоцентризма и пропаганда подлинных глобальных связей продолжают оказывать влияние на пути России в 21 веке, что подчеркивает его непреходящее значение в современной геополитической среде.

После распада Советского Союза Россия вступила на путь переопределения - формирования своей национальной и международной идентичности. Лев Николаевич Гумилев, вооруженный своими неоевразийскими доктринами, стал важной фигурой в этом интеллектуальном ренессансе. Его концепции, переплетающие биологию и культурную хронику, оказали глубокое влияние на современную международную политику России, получив особый резонанс в Центральной Азии, Европе и на Дальнем Востоке [3]. В противовес преобладающим западным концепциям, евразийский нарратив Гумилева отстаивал особую цивилизационную позицию России, что находит отклик в современных геополитических дискуссиях [6]. Центральная Азия, названная "геополитическим ядром"

евразийских замыслов, находится в центре внешних инициатив России [7]. И наоборот, Европа разворачивается как сложное полотно, опираясь на хроники Гумилева и историческую динамику. Нойманн подчеркивает амбивалентную природу русско-европейских отношений, колеблющихся между союзом и раздором [7].

Продвигаясь на восток, видение Гумилевым целостного геополитического ландшафта согласуется с современным "поворотом России на Восток". Как отмечает Габуев, этот стратегический сдвиг означает стремление России освоить растущую азиатскую экономическую и геополитическую сферу на фоне меняющихся глобальных траекторий [8]. Возрождение теорий Гумилева дает возможность проанализировать геополитику России после окончания холодной войны. Идентификация России как единой цивилизационной единицы, как утверждает Дугин, необходима для расшифровки ее глобальной тактики [9]. В целом, неоевразийство Гумилева, пропитанное биологизмом и этнографическими исследованиями, раскрывается как нюансированный план для понимания геополитической позиции России. По мере того, как Россия движется по сложным путям 21-го века, неизгладимый отпечаток идей Гумилева освещает ее разнообразные устремления и тактику.

Влияние этносферного видения Гумилева

В условиях хаоса, возникшего после распада Советского Союза, перестройка национальной идентичности и направления развития неизбежна [2]. Важнейшим компонентом этой дискуссии стала интерпретация этносферы, предложенная Львом Николаевичем Гумилевым. Эта идеология переплетает природу, культуру и историю, создавая глубокую основу для расшифровки геополитических действий России [3].

Чтобы по-настоящему понять этносферу, необходимо погрузиться во всеохватывающее мировоззрение Гумилева. Оно напоминает теорию Гайи Лавлока, которая представляет Землю как сложное взаимосвязанное образование [10]. Гумилев воспринимает этносферу - родственную литосфере, атмосфере и биосфере - как сложную сеть, в которой этносы (этнические группы) формируются своим окружением [11]. В геополитической сфере акцент, сделанный Гумилевым на евразийских этносах, освещает дипломатическую позицию России. Ассоциация России со Средней Азией, пронизанная взаимной историей, обычаями и экологическим взаимодействием, олицетворяет это понимание. Характеристика Гумилевым Европы как "Другого" проистекает из изменчивой динамики этносферы.

Эпохи соперничества, движимые горячими идеями отдельных пассионариев и всеобъемлющими этнодинамическими силами, проливают свет на сложные связи России с Европой. Что касается Дальнего Востока, то в этносфере Гумилева он предстает как горнило исторических слияний и перспективных партнерств. Однако критика детерминистской точки зрения Гумилева сохраняется. Акцент на "пассионарности" и детерминированном этногенезе подвергался критике за потенциальную тривиальность сложных социально-политических взаимодействий [1]. Тем не менее, неизгладимый след Гумилева в создании уникальной евразийской саги имеет огромное значение. Хотя его взгляд на этносферу может вызвать споры, он усиливает глобальный диалог России, объединяя взаимное наследие, коллективные надежды и сложный синтез природы, культуры и хронологии.

Синтез Востока и Запада в видении Гумилева

Исследование этносферы, проведенное Гумилевым, представляет точку зрения исторического детерминизма, которая сочетает в себе восточные и западные философские традиции. Делая акцент на европейском Просвещении, такие мыслители, как Кант и Вольтер, подчеркивали врожденную способность человечества определять свою судьбу [12]. Однако эта линейная прогрессия от невежества к просвещению, которая отражается в возникновении

и становлении европейских национальных государств, находит переосмысление в мировоззрении Гумилева [11]. Хотя мыслительные процессы Гумилева отражают европейский детерминизм, они также согласуются с целостными взглядами Востока [Ху, 2000]. Глубокие отношения России с Центральной Азией воспринимаются именно в этом свете, выходя за рамки просто геополитических факторов и перекликаясь с общей культурной историей [13].

Позиция Гумилева, которая противопоставляется ярко выраженному географическому детерминизму, обеспечивает более тонкую перспективу [14]. С этой точки зрения, взаимодействие России с Дальним Востоком, хотя и определяется географической близостью, имеет более глубокий характер, охватывая взаимные культурные и исторические повествования [15]. В представлении Гумилева Евразия превращается из простого географического понятия в богатую смесь культур, истории и развивающихся взаимодействий. Такая точка зрения придает нюансы российским отношениям, делая акцент на сотрудничестве, а не на доминировании, представляя Россию как подлинно евразийский субъект [3].

Объединяя детерминистские рамки с динамическими понятиями, такими как "топогенез", Гумилев создает уникальное интеллектуальное пространство [16]. Это объединение становится инструментом для интерпретации внешней политики России, колеблющейся между ее историческим наследием и перспективными устремлениями [17]. Интеллектуальная схема, предложенная Гумилевым, подчеркивает сочетание сил, которые формируют конфигурацию этносферы. Укоренившаяся в научном дискурсе, эта концепция имеет глубокие последствия для современной геополитики, особенно в контексте России, ориентирующейся в постоянно меняющемся глобальном ландшафте [18].

Бросая вызов конвенциям: смена парадигмы Гумилева и ее последствия

Огромный массив философских работ Льва Николаевича Гумилева, не поддающихся традиционным категориям, остается основополагающим в формировании современного интеллектуального дискурса. Теории Гумилева, особенно касающиеся этногенеза и "пассионарности", часто цитируются в социально-политических дискуссиях [9]. Его авангардный синтез биологии с этнической и культурной идентичностью предлагает радикально новый взгляд на человеческие общества и их место в космическом порядке. Примечательно, что эти идеи проливают свет на современную внешнюю политику России, особенно в ее отношениях с Центральной Азией, Европой и Дальним Востоком [19].

Центральным для понимания современной геополитической ориентации России является твердое утверждение Гумилева о том, что судьбы людей глубоко переплетаются с биосферой. Это перекликается с идеями Лоренца в этологии, предлагающего слияние биологии и культуры [20]. Такое слияние преобразует международную политику, делая акцент на человеческих мотивах и идентичности, коренящихся в биохимических процессах, тем самым выводя дипломатию за рамки простых политико-экономических соображений [21]. Такое понимание может прояснить стремление России установить более тесные связи со своими центральноазиатскими партнерами, подчеркивая общее этнобиологическое наследие.

В ткань внешней политики часто вплетаются нити национальной идентичности и чувств. Через этногенез Гумилева, утверждающего, что этническое родство является неотъемлемой чертой, можно увидеть стремление России взаимодействовать со своими диаспорами и поддерживать культурные связи с русскими анклавами в Европе и на Дальнем Востоке [22]. Как отмечает китайский философ Чжан Тайян, при формировании направлений внешней политики становится очевидным значение, которое придается биологическим связям [23].

Когда сообщества переосмысливаются с точки зрения Гумилева, это бросает вызов общепринятым представлениям. Если различия, основанные на нациях или племенах,

считаются поверхностными, то международная позиция России может быть понята как проистекающая из более глубокого чувства общей идентичности и судьбы [17]. Это может объяснить неприятие Россией попыток Запада гомогенизировать ее идентичность, вместо этого она предпочитает подчеркивать свою евразийскую сущность, что отражено в концепции Сунь Ятсен о Большом Азиатизме [24]. Хотя "пассионарность" - это квинтэссенция Гумилева, ее суть находит параллели в понятии национального духа или "geist" таких немецких светил, как Гегель [25]. Такое сравнение подчеркивает стремление России стать глобальной пассионарной силой с последствиями, которые могут изменить как региональную, так и международную обстановку.

Космический детерминизм Гумилева вписывает общества в более широкую космическую картину, тем самым обосновывая российскую внешнюю политику не просто как земные стратегии, а как повествования, вплетенные в более широкий замысел Вселенной [26]. Однако такие ученые, как Владимир Тишков, предостерегают от слишком упрощенного прочтения этногенеза Гумилева, предупреждая, что это может свести сложное сплетение культурных идентичностей к простым этническим нитям [2]. Таким образом, хотя парадигмы Гумилева и являются откровением, они требуют проницательного подхода, чтобы избежать узкого прочтения.

В нынешней геополитической обстановке сложные теории Гумилева, изобилующие проблемами, позволяют по-новому взглянуть на ориентации России. Подвергая сомнению устоявшиеся границы и прокладывая новые интеллектуальные тропы, идеи Гумилева усиливают резонанс дискурса геополитики в современную эпоху.

Влияние этногенеза Гумилева и маргинализация гуманитарных наук

Включение философии Гумилева в наше понимание современной геополитической динамики бросает вызов традиционным западным теориям. Введение его концепции "этногенеза", в которой этнос рассматривается как продукт биологии, а не культуры или истории, побуждает нас пересмотреть отношения между государствами, выйдя за рамки традиционных контекстов. Например, теория "Столкновения цивилизаций" Сэмюэля П. Хантингтона утверждает, что конфликты после холодной войны возникают на почве культурных и религиозных различий [19]. В противоположность этому, работа Гумилева предполагает, что эти конфликты могут быть поняты как естественный результат этногенетических процессов. Если анализировать взаимодействие России и Центральной Азии через эту призму, то общность их евразийской родословной и совместный исторический опыт монгольского ига обеспечивают более глубокую биологическую связь, намного превосходящую любое культурное или религиозное родство.

Хотя этногенетический подход Гумилева может дать более глубокое понимание межгосударственных отношений, необходимо отметить, что его позиция относительно биологического детерминизма этноса была предметом серьезных дискуссий. Критики утверждают, что хотя биология играет определенную роль в поведении человека, сведение сложных социально-политических взаимодействий к простым этногенетическим склонностям чрезмерно упрощает огромное количество действующих факторов [27].

Более того, чтобы понять весь масштаб влияния Гумилева на современную российскую внешнюю политику, необходимо также рассмотреть работы других мыслителей, оказавших влияние на эту область. Александр Дугин, российский политический аналитик, известный своими евразийскими взглядами, часто ссылается на теории Гумилева, выступая за многополярный мир и прекращение доминирования Запада [18]. Влияние Дугина особенно актуально при анализе стратегических шагов России в Европе и Азии, где явно прослеживается сдвиг в сторону неоевразийства.

Китайская инициатива "Пояс и путь", направленная на расширение связей между Азией и Европой, пересекается с пространственным представлением Гумилева о неоевразийском мире. Наблюдатели отмечают, что поддержка Россией "Пояса и пути" перекликаются с тем, что Гумилев подчеркивает центральность Евразийского пояса [28]. Хотя в основе этого сотрудничества лежат геополитические и экономические причины, теории Гумилева могут дать более глубокое этно-биологическое объяснение. Хотя применение этногенетической концепции Гумилева обогащает наше понимание современной геополитики, крайне важно уравновесить ее другими точками зрения. Его акцент на биологии как основной движущей силе национальных взаимодействий представляет собой альтернативную точку зрения, которая как дополняет, так и опровергает основные теории.

Деконструкция дихотомий: видение Гумилева и переосмысление геополитических нарративов

Изучая сложный мыслительный процесс Гумилева, нельзя не заметить влияния других выдающихся мыслителей, как российских, так и зарубежных, на формирование его мировоззрения. Дихотомия "система-антисистема" напоминает теорию Арнольда Тойнби о вызове и ответе, согласно которой цивилизации живут в восстаниях и падениях в зависимости от их способности эффективно отвечать на вызовы [29]. Аналогичным образом, сама суть теории этноса Гумилева перекликается с мнением Освальда Шпенглера о цикличности жизненных циклов культур [30].

Анализируя внешнюю политику России через системную призму Гумилева, стоит обратить внимание на деление Мартином Уайтом теоретиков международных отношений на реалистов, рационалистов и революционеров [31]. В то время как реалисты рассматривают международные отношения как predetermined игру сил, рационалисты стремятся к моральному порядку. Системный взгляд Гумилева тесно связан с реалистической точкой зрения, но его акцент на этнической энергии и пассионарности несет в себе элементы революционного мышления.

Скептицизм Гумилева по отношению к культурной амальгаме не является единичным. Его позиция перекликается со взглядами современного китайского философа Чжан Вэйвэя, который поддерживает модель циньской цивилизации, а не западную либеральную демократию, подчеркивая необходимость сохранения нациями своей уникальной культурной самобытности [32]. Эта точка зрения находит свое отражение в отношениях России с Западом и в ее отношении к восточным странам, в частности, к Китаю.

Кроме того, взгляды Гумилева на еврейскую диаспору напоминают более широкое евразийское движение, которое исторически отличалось неоднозначным отношением к евреям. В то время как основатели евразийства, такие как Николай Трубецкой, включали евреев в свою евразийскую идентичность, позиция Гумилева представляется более осмотрительной [3]. Наконец, системное мышление Гумилева предполагает детерминированный миропорядок, повторяя мысли таких ученых, как Ибн Хальдун, который постулировал, что обществам присущ жизненный цикл [33]. Но, как подчеркивается в таких исследованиях, как "Историческая неизбежность" Исаяи Берлина, детерминизм может быть обоюдоострым мечом. Он может дать успокаивающее ощущение порядка, но может также привести к политической пассивности или фатализму [34]. Баланс между порядком и "антисистемным" аспектом человеческой активности становится решающим. По мере того, как современная Россия ориентируется в сложностях мировой политики, взаимодействие дуализма Гумилева предлагает богатую сферу прозрений. Использование этих идей требует пронизательного подхода, сочетающего детерминистскую перспективу с гибкостью, необходимой в постоянно меняющихся условиях.

За пределами наций: гумилевская концепция суперэтнуса и ее последствия

Концепция суперэтнуса, выдвинутая Гумилевым, согласуется с некоторыми антропологическими и социологическими моделями, в которых рассматриваются способы формирования коллективной идентичности. основополагающая работа Бенедикта Андерсона "Воображаемые сообщества" [35] затрагивает аналогичную идею, предполагая, что нации - это воображаемые политические сообщества, по своей сути ограниченные и суверенные. Теория Андерсона, если сопоставить ее с теорией Гумилева, подчеркивает, что понятие "русский" выходит за рамки простого этнического происхождения, превращаясь в "воображаемое сообщество", состоящее из общей истории, культуры и территории.

Кроме того, опираясь на китайскую ретроспективу, китаевед Фэй Сяотун в своей работе "Плюралистический и единый Китай" [36, С. 27] рассуждает о гармонизации многочисленных этнических групп Китая в единой ханьской культуре. Это отражает конвергенцию суперэтнуса России и Степи, что говорит об общности подобных социокультурных явлений в огромных империях и цивилизациях.

Более того, значение степной геополитики в формировании исторической траектории Евразии было подробно исследовано российским историком В.В.Бартольд, в частности, в "Четырех исследованиях по истории Центральной Азии" [37, С. 120]. Взаимодействие между оседлыми и кочевыми культурами, часто приводящее к экономическому и культурному симбиозу, является постоянной темой в истории Евразии. Однако с возникновением Советского Союза к этому дискурсу добавилось новое измерение. Идеологи советского государства, особенно Ленин в своей работе "О национальном и национально-колониальном вопросе" [38, С. 182], подчеркивали права национальностей, но практическая государственная деятельность часто была связана с балансированием между централизаторскими тенденциями и признанием множества идентичностей. По сути, запутанный узел идентичностей, который Гумилев заключает в своей идее о суперэтнуса, подчеркивает не просто локальный российский феномен, а более широкий евразийский, даже глобальный, рассказ о том, как цивилизации строят, обсуждают и понимают свои идентичности.

Гумилевское видение российско-евразийской идентичности и ее современных проявлений

Представление Гумилева о русско-евразийской идентичности имеет глубокие корни в историческом прошлом, и его точка зрения остается влиятельной при интерпретации динамики современной России. Это находит отражение в различных направлениях академической мысли. В книге "Столкновение цивилизаций" Сэмюэля П. Хантингтона [19, С. 67] идея о том, что Россия формирует свою собственную цивилизацию, отличную как от Запада, так и от Азии, отражает видение Гумилевым России как уникального евразийского образования.

Центрально-азиатское измерение российской внешней политики напоминает историческую связь, которую установил российский ученый Сергей Караганов в работе "Восток: обновленная российская стратегия" [39, С. 45]. Он предполагает, что естественный уклон России исторически был направлен на Восток, а Центральная Азия представляет собой якорь для евразийской идентичности России. При рассмотрении Европы в игру вступают "Основы геополитики" Дугина [9, С. 123]. Под влиянием Гумилева он придерживается мнения, что Россия должна бросить вызов гегемонии Запада и вместо этого подчеркнуть свою собственную уникальную роль в мировом порядке. В контексте Дальнего Востока в работе Пан Вэя "Управление Китаем в эпоху глобализации" [40, С. 92] подчеркивается значимость китайско-российских отношений, имеющих историю сотрудничества и взаимного уважения. Акцент Гумилева на слиянии Востока и Запада находит отклик в

укрепляющихся связях между Россией и Китаем в 21 веке. Наконец, Н. Тумаркин в своей работе [41, С. 30] проясняет важность коллективной памяти в России. Реакция современной России на внешнее давление, в частности, на гальванизацию националистических настроений, согласуется с идеями Гумилева о врожденной устойчивости русско-евразийской идентичности. Следует отметить, что суть видения Гумилева проникла в различные сферы российской политики и мысли. Благодаря проникновению в глубины исторического сознания, понимание России на мировой арене становится путешествием в ее душу, сформированную и вдохновенную ее уникальным евразийским наследием.

Историческая перспектива Гумилева и ее влияние на современную Россию

Синтез исторической перспективы Гумилева с внешней политикой России подчеркивает приверженность страны своим корням при одновременной адаптации к современному геополитическому сценарию. Интерпретация Гумилевым российской ментальности и ее исторической преемственности представляет собой богатую ткань исторических повествований.

В Центральной Азии концепция "глубинной культуры", представленная Лотманом в его "Вселенной разума" [42, С. 110], дополняет акцент Гумилева на культурной преемственности. Лотман утверждает, что культура глубоко укоренена в обществе, что она выходит за рамки поверхностных взаимодействий и отношений. Это видно из того, как Москва взаимодействует с государствами Центральной Азии, делая акцент на глубоко укоренившихся культурных связях, а не на преходящих политических выгодах. Отношение Гумилева к монголо-татарскому игу отклоняется от традиционной интерпретации. Вместо того, чтобы рассматривать его как период полного порабощения, Гумилев выделяет элементы сотрудничества и взаимного влияния.

При обсуждении дуализма Европа-Азия в России завет Александра Солженицына «не отступать от евразийства» из его работы "Перестройка России" [43, С. 57] напоминает мысли Гумилева. В нем заключено напряжение, связанное с перемещением между западным либерализмом и восточными традициями и ценностями. Акцент Гумилева на восточных связях России подтверждается анализом, проведенным в работе Чжао Хуашэна "Стратегия России на Восток и отношения между Китаем и Россией" [44, С. 49]. Взаимопонимание между двумя странами, сформулированное Чжао, отражает идеи Гумилева об общей истории и взаимном уважении между Россией и Востоком.

Наконец, сложная позиция Гумилева в отношении ислама, особенно его роли в формировании евразийских взаимодействий, может быть соотнесена с мыслями Виталия Наумкина в книге "Радикальный ислам в Центральной Азии" [45, С. 123]. Замечания Наумкина о тонкостях отношений России с исламскими государствами подчеркивают многогранную природу этих взаимодействий, отражая нюансы взглядов Гумилева.

По сути, евразийское видение Гумилева, с его сочетанием истории и культуры, продолжает определять внешнюю политику России. Благодаря интеграции точек зрения различных ученых, глубина и сложность этой евразийской идентичности выходят на первый план, обеспечивая всеобъемлющую основу для анализа геополитических маневров России.

Многомерное наследие Гумилева

Многомерное исследование евразийства, проведенное Львом Гумилевым, представляет собой увлекательное путешествие в самое сердце российской идентичности и геополитики. Его взгляд на этническую принадлежность, иногда и вступающий в противоречие с советской традицией, придает глубину пониманию русской культуры и наследия. Глубокое изучение его работ открывает синтез разнообразных традиций и мыслей.

В области этничности концепция Гумилева расходится с основными западными парадигмами. Его интерпретация отражает суть работ таких ученых, как Эмиль Дюркгейм, который рассматривал этнические сообщества как "органические" структуры, а не просто социально-политические конструкторы [46]. Это понятие находит отклик и в китайской литературе, что иллюстрирует Фэй Сяотун в своей книге "Из почвы" [47, С. 89], где он подчеркивает важность общего наследия для понимания сущности сообщества.

Однако одной из наиболее заставляющих задуматься граней рассуждений Гумилева является его интерпретация детерминизма. Этот подход, хотя и является новым для евразийского контекста, напоминает таких ученых, как Джаред Даймонд, который в книге "Ружья, микробы и сталь" [48, С. 246] подчеркивает детерминирующую роль географии и окружающей среды в формировании человеческих обществ. Внесение Гумилевым этих идей в евразийство означает междисциплинарный подход, сочетающий историю, этнографию и географию.

Возрождение евразийских идей в постсоветской России подчеркивает их непреходящую привлекательность и актуальность. Как подчеркивает Марк Бассин, современный российский политический ландшафт часто ссылается на нарративы Гумилева, что отражает их глубокое влияние на геополитическую ориентацию страны [4].

Вклад Гумилева в евразийскую мысль, хотя и опирается на различные интеллектуальные традиции, обеспечивает всестороннее понимание уникального положения России в мире. Его идеи, не теряющие своей актуальности, продолжают оказывать влияние на дискуссии о российской идентичности и геополитике.

Заключение

В данном исследовании мы глубоко погрузились в изучение научного наследия Льва Гумилева, обращая внимание на его уникальный взгляд на геополитику и этногенез. Эти концепции, безусловно, оставили отпечаток на современных научных и политических дискуссиях, особенно в контексте Евразии. Анализируя Гумилева как философа и геополитика, мы пришли к выводу, что его подходы к этногенезу предоставляют ценное понимание динамики культур и народов на Евразийском континенте. Этот анализ позволил нам глубже осознать динамику международных отношений и культурных взаимодействий в регионе. Влияние Гумилева на современные политические и культурные процессы также не может быть недооценено. Несмотря на критические замечания в его адрес, его идеи продолжают вдохновлять и направлять многих мыслителей и политических деятелей. Однако, как и любой научный подход, идеи Гумилева подвергались критике и интерпретациям. Мы рассмотрели различные точки зрения на его теории и поняли, что, несмотря на разнообразие мнений, Гумилев остается ключевой фигурой в дискуссиях о геополитике и культурной идентичности. В целом, это исследование подтвердило важность и актуальность идей Гумилева для современного мира, особенно в контексте сложных геополитических и культурных процессов на Евразийском пространстве.

Список литературы:

1. Anderson B. R. O. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London - New York: Verso, 1991. 244 с.
2. Гегель Г. *Феноменология духа*. М.: Академический проект, 2021. 494 с.
3. Гумилев Л. Н. *От Руси к России. Очерки этнической истории*. М.: Экспресс, 1992. 336 с.
4. Гумилев Л. Н. *Теория этногенеза. Великое открытие или мистификация*. М.-СПб.: АСТ, Астрель-СПб., 2013. 704 с.

5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2012.
6. Дугин А. Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России. М.: Арктогея-центр, 2000. 924 с.
7. Дугин А. Г. Война континентов (современный мир в геополитической системе координат). Москва: Академический проект, 2014. 359 с.
8. Ленин В. И. О национальном и национально-колониальном вопросе. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. 599 с.
9. Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма: монография. М.: Институт философии РАН, 2005. 184 с.
10. Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства: Статьи, письма. М.: Викмо-М, 2018. 680 с.
11. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
12. Barthold V. V. Four studies on the history of Central Asia. Leiden: E.J.Brill, 1956. 280 с.
13. Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 348 с.
14. Bassin M. "Classical" Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity // *Ab Imperio*. 2003. Т. 2003. № 2. С. 257–266.
15. Berlin I. Historical Inevitability. Oxford: Oxford University Press, 1955. 79 с.
16. Diamond J. M. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. New York: W.W. Norton & Company, 1999. 480 с.
17. Durkheim E., Lukes S. Introduction // *The Rules of Sociological Method*. London: Springer, 1982. С. 1–27.
18. Fei X., Hamilton G. G., Zheng W. From the Soil: The Foundations of Chinese Society. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1992. 160 с.
19. Fromherz A. J. Ibn Khaldun. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 208 с.
20. Gabuev A. Russia's Asian Strategy: Bolstering its Role in the Asia-Pacific // *RUSSIE.NEI.VISIONS*. 2016. № 94.
21. Huntigton S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 2011. 368 с.
22. Kappeler A., Clayton A. The Russian Empire: A Multiethnic History. New York: Longman, 2001. 455 с.
23. Karaganov S. Russian Foreign Policy: Three Historical Stages and Two Future Scenarios // *Russian Politics*. 2021. Т. 6. № 4. С. 416–434.
24. Laruelle M. Lev Nikolaevich Gumilev (1912-1992)?: Biologisme et Eurasisme Dans la Pensee Russe // *Revue des ?tudes slaves*. 2000. Т. 72. № 1/2. С. 163–189.
25. Laruelle M. Russian Eurasianism. An Ideology of Empire. Washington D.C.: Woodrow Wilson Press/Johns Hopkins University Press, 2011. 296 с.
26. Lim K. S. China's Arctic Policy and the Polar Silk Road Vision // *Arctic Yearbook*. 2018. Т. 2018. С. 420–432.
27. Lorenz K. On Aggression // *Creative Education*. 2014. Т. 5. № 2.
28. Lotman J. M. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. London: Second world Tauris transformations, 2001. 404 с.
29. Lovelock J. Gaia: A New Look at Life on Earth. Oxford: Oxford University Press, 1979. 157 с.
30. Naumkin V. V. Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle (The Soviet Bloc and After). New York, Toronto: Rowman & Littlefield, 2005. 285 с.

31. Neumann I. B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London: Routledge, 2016. Вып. 2. 232 с.
32. Outram D. *The Enlightenment*. New York: Cambridge University Press, 2019. 196 с.
33. Parker G. *Geopolitics: Past, Present and Future*. London: Pinter, 1998. 199 с.
34. Shnirelman V. The value of the past: myths, identity and politics in Transcaucasia // *Senri Ethnological Studies*. 2001. Т. 57. С. 453–465.
35. Solzhenitsyn A. I. *Rebuilding Russia: Reflections and Tentative Proposals*. London: Farrar, Straus and Giroux, 1991. 125 с.
36. Spengler O. *The Decline of the West*. Oxford: Oxford University Press, 1991. 414 с.
37. Suny R. G. *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 588 с.
38. Taiyan Z. *National Identity and the Chinese Revolution*. Beijing: Beijing University Press, 1920.
39. Toynbee A. J. *A Study of History*. Oxford: Oxford University Press, 1987. 640 с.
40. Tsygankov A. P. *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2013. 279 с.
41. Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994. 237 с.
42. Wei P. *The Governance of China in the Era of Globalization*. Beijing: China Social Sciences Press, 2007. 209 с.
43. Wight M., Porter B. E. *International Theory: The Three Traditions*. London: Holmes & Meier for the Royal Institute of International Affairs, 1992. 286 с.
44. Xiaotong F. *Pluralistic and Unified China*. Beijing: Beijing University Press, 1989. 160 с.
45. Xu G. *Eastern Influences on Western Thought*. Fudan: Fudan University Press, 2000. 145 с.
46. Yat-sen. *The Three Principles of the People*. Beijing: China Publishing, 1924. 132 с.
47. Zhang W. *The China wave: Rise of a civilizational state*. Hackensack N.J.: World Century Publishing Corporation, 2012. 208 с.
48. Zhao H. *Russia's Eastward Strategy and China-Russia Relations*. Beijing: China Social Sciences Press, 2012. 265 с.

